

4. Камелова С. И. О механизме формирования переносных значений // Облик слова. Москва, 1997. С. 58-64.
5. Малова Ю. В. Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX-XX вв. : автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Саранск, 2003. 24 с.
6. Минералов А. Ю. «Каторжно-лагерная» сюжетно-образная традиция в русской прозе XX века // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 18. С. 106-112.
7. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 2006. 960 с. (В тексте – СТСРЯ).
8. Шварцкопф Б. С. «Я поставил кавычки потому, что...» // Облик слова: сб. статей. Москва : РАН, 1997. С. 374-381.
9. Харитоновна, Е. В. Лагерная лексика как источник и носитель национально-специфической информации (лингво-переводческий аспект) // Вестник Московского Государственного Областного Университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 1. С. 171-175.

УДК 003:811.163.1+811.161.1"15"

О. А. Климкович

Временные конструкции в старобелорусских и старорусских завещаниях XVI века как одно из стилеобразующих средств деловой письменности

Среди важнейших черт деловой письменности особое место занимает точность, которая репрезентируется посредством языковых средств разных уровней. Указание на время представляет собой одно из полей категории точности, а средства его репрезентации отражают как национальное, так и стилистическое своеобразие рассматриваемых текстов. В статье анализируются такие средства выражения времени, как наречия, существительные, прилагательные и различные сочетания с временными предлогами.

Ключевые слова: старорусский язык, старобелорусский язык, завещание, категория точности, временные конструкции.

Temporary constructions in the old belarusian and old russian wills of the XVI century as one of the style-forming means of business writing

Among the most important features of business writing, accuracy occupies a special place, which is represented by means of linguistic means of different levels. The indication of time is one of the fields of the accuracy category, and the means of its representation reflect both the national and stylistic distinctiveness of the texts under consideration. The article analyzes such means of expressing time as adverbs, nouns, adjectives and various combinations with temporary prepositions.

Key words: old russian language, old belarusian language, testament, category of accuracy, temporary constructions.

Изучение истории развития делового стиля в ст.-рус. и в ст.-бел. языках представляет собой актуальное направление современных историко-стилистических исследований, поскольку позволяет выявить сходства и различия в генезисе национальных восточнославянских языков. В частноправовой письменности одним из самых интересных жанров были тексты, содержавшие распоряжения составителя документа относительно его собственности, действий наследников после его смерти. Такие тексты в ст.-рус. назывались духовной грамотой, духовной памятью, памятью, духовницей, в ст.-бел. духовница (доховница), testament (тастамент, тастамэнта, тастомент). В данной статье мы будем использовать общее для исследованных текстов название – завещания. Язык завещаний активно исследуется. Многие работы были опубликованы в течение последних 15 лет [Патюкова, 2010; Паляшчук, 2014; 2015; Преображенская, 2015; Дойкина, 2018; Литвина, 2020] и др.

Материалом для данной статьи стали тексты 46 завещаний (22 ст.-рус., 24 ст.-бел.), датированных второй половиной XVI в. Они опубликованы в изданиях XX и XXI вв. Цель работы – рассмотреть особенности использования в текстах отдельных лексем и сочетаний со значением времени. Это наречия, прилагательные, существительные, беспредложные и предложные сочетания, которые, указывая на время, репрезентируют в завещаниях категорию точности. Не ставя

перед собой задачи полной характеристики способов выражения времени в рассматриваемых документах, остановимся на тех из них, которые ярко показывают сходства или различия в текстах ст.-рус. и ст.-бел. завещаний.

В ст.-рус. текстах постоянно используется наречие времени *изстари* в устойчивом сочетании *что к ним изстари потягло* (АРГ, с. 204), встречаются наречия *ныне*, *нонеча*, *вперед*, *вскоре*, *потом* и др.: *А не будет у моее дочери вперед отроду, и та вотчина к Николе чюдотворцу* (АФЗХ, III, с. 19). В ст.-бел. текстах определяется группа наречий, которая повторяется практически во всех текстах. В эту группу входят наречия *напервеи* ‘перш за ўсе, у першаю чаргу’ (ГСБМ, 19, с. 70), *напродъ* ‘спачатку, перш за ўсе’ (ГСБМ, 19, с. 234), *тогдаы* ‘у той час, у той момант у мінулым або будучым, не цяпер’ (ГСБМ, 33, с. 336): *Иж напервеи, што ему винен Ётрошко Ёнопреевич* (ТБ, с. 270). *Напрод* дом свои ... *вписал и тым тэстаментам варовал с(ы)номъ своим двум* (ТБ, с. 275). *Тогдаы* тую всю маєт[ност] [св]ою шпродречонию *вгулом и вздоимом ... навечност втписию* (ТБ, с. 237).

Относительные прилагательные с временным значением отличаются по употреблению в ст.-рус. и в ст.-бел. текстах. В ст.-рус. текстах часто используется прилагательное *вечный*, которое согласуется с разными существительными: *вечный сенаник*, *вечный поминок*, *вечный и вседневный сенаник*, *вечных благ наследие*, *вечная память*. В ст.-бел. текстах прилагательное *вечный* употребляется со словом *час*, в значении ‘навечно’ (ГСБМ, 36, с. 294) *вечные часы*, *вечные и потомные часы*, формула *вечными часы* отмечена в 11 текстах из 24 исследованных, при этом она может повторяться в одном завещании 2-3 раза. Кроме прилагательного *вечный* лексема *час* согласуется с другими относительными и качественными прилагательными, которые характеризуют время: *смертельный час*, *теперешний час*, *долгий час*, *немалый час*, *з давных часов*, *тых недавних часов*, *напотомные часы*; с указательными и определительными местоимениями *сесь час*, *тот час*, *весь час*, *ишыи час*; образует отдельные прилагательные, например, *дочасный* ‘часовы’ (ГСБМ, 9, с. 53): *зоставуючи на писме для встаких припадковъ дочасных напотомные часы* (ТБ, с. 222); *ничого собе певнешиого не маєт, "ко смерть дочасна* (ТБ, с. 236).

И в ст.-рус., и в ст.-бел. текстах отмечается значение лексемы *лето* 'год' при указании времени создания текста. В старорусских текстах эти конструкции имеют вид *лета* <указание года>: *А сю д(у)ховную грамоту писал Федка Матѣѣвъ ц(е)рковною дьячек, лѣта 7078-г(о)* (АРГ, с. 194); в старобелорусских *лета Божьего нарожєня / от нарожєня / по нарожєню сына Божьего* <указание года> <указание месяца> <указание дня>: *Писанъ и Хотимъли, лета Божьего Нарожєня// тисєча пѣтѣсотъ пѣтѣдєсѣтъ девѣтого, фєврѣлѣа двѣдцѣтого днѣа* (ТБ, с. 185).

Формула *сына божєго* отмечена в работе С. Г. Шулежковой и других авторов как старославянский фразеологизм (ФССЯ, с. 280), формула *божєго нарожєня* со значением 'выходная дата вызначєния часу' (ГСМБ, 19, с. 264) в работе С. Г. Шулежковой не упоминается.

Лексема *лето* в значении 'узрост' (ГСБМ, 17, с. 14 – 15) характерна для ст.-бел. текстов, где согласуется с прилагательными *зуполньи, молодои, доросльи* и др. (*лета зуполньє, з лет молодых, лет дорослых*), образуя устойчивые сочетания, или управляется глаголами *дорости, дойти*, реализуя в устойчивых сочетаниях *лет дорастуть, дошли лет* значение 'стаць дарослым' (ГСБМ, 17, с. 14 – 15).

Лексема *рокъ* зафиксирована только в ст.-бел. завещаниях. Она употребляется при указании времени создания акта: *Писан и Витебску, року wt нарожєня Сына Божьего тисєча пѣтсот дєвѣдєсѣтъ чєтвєртого, м(є)с(ѣ)ца шюлѣа пѣтого днѣа* (ТБ, с. 210); срока, периода: *котороемъ зажити и дєтєи Шѣтиловыхъ на рокъ, котори рокъ вписалъ и листє ихъ заставьномъ* (ТБ, с. 184); судебного заседания: *[роки] [земские] Трикрольские в роки миниломъ тисєча пѣт[сот] [дєвѣтъ] дєсѣтъ чєтвєртомъ* (ТБ, с. 201). С лексемой *рок* употребляются прилагательные *пєвньи, тєпєрєини*.

Отметим также, что для содержательной части ст.-бел. текстов характерно употребление существительных *рок, час, година* в пределах парных устойчивых сочетаний: *нє складѣючы жѣдных часовъ и роковъ* (ТБ, № 47, с. 250); *иж нє єсть на свєтє жѣдноє пєвнєишєє рєчи кѣждоєму човєкєу, ѣко час и година смєрти* (ТБ, с. 212). В ст.-рус. текстах в содержательной части отмечены устойчивые сочетания с лексемой *год*: *и учинити корм меньшей з году на год на память отца нашего* (АФЗХ, II, с. 239); *да учинити им по*

наших душах по два корма **на всякой год** (АФЗХ, II, с. 257), которые используются при распоряжении относительно поминальных монастырских трапез. Такие конструкции могут быть детализированы указанием конкретной даты.

Лексема *день* в ст.-рус. духовных употребляется в сочетании с местоимениями *по вся дни, тот день, по иным днем, которого дни*, в ст.-бел. с прилагательными *дня сегодняшнего, день ютреишии*.

Стилистически значимым является употребление в рассмотренных текстах различных слов, связанных с лексемой *век*. Кроме уже упомянутого прилагательного *вечный*, это наречия, существительные с предлогами ст.-рус. *до века*; ст.-бел. *вечне, навечность, вовеки*: *далъ и даровалъ есми навечность именье свое ... въстипи жадного не бидить мочи мети вечными часы на томъ* (ТБ, с. 198); *а хто сее встачоное слово мое смерътное изришитъ, тотъ со мною розъсидитъсе на Страшномъ сиде передъ Небеснымъ Царемъ вовеки* (ТБ, с. 201).

Широкое распространение в исследованных текстах имеют различные предложные сочетания, указывающие на время. Их структурные схемы аналогичны структурным схемам временных конструкций современных русского и белорусского языков, однако временные предлоги используются неодинаково. Приведем некоторые примеры:

- конструкции *до+Р.п., с / з +Р.п.* характерны и для ст.-рус., и для ст.-бел. завещаний: ст.-рус. *до отпущения, до живота, до века, с третьего году*; ст.-бел. *до лет зуполных, до смерти своее; з давных часов*; предложно-падежные сочетания *после+Р.п.; преж+Р.п., наперед+Р.п.* фиксируются в ст.-рус. текстах *после моего живота ... как было преж сего* (АФЗХ, II, с. 257); *от+Р.п.* – в ст.-бел. текстах: *от нароженья Сына Божого*;

- сочетания *к+Д.п.* используется в ст.-рус. завещаниях *к Пречистой, к началу*; но не встречается в ст.-бел.; в ст.-бел. используется *по+Д.п.*: *по нароженью...; скоро по зыстю мене з сего света* (ТБ, с. 209), *по втданью* (ТБ, с. 223);

- употребление сочетаний *по+В.п., за+В.п.* характерно для ст.-бел. текстов: *по сесь час; по ввес час; за двенадцать недель*; *на+В.п.* для ст.-рус. и для ст.-бел. текстов: *первому корму быти октября в шесты день на память святого апостола Фомы ...* (АФЗХ, II, с. 279).

– конструкции *при+М.п.*; *по+М.п.* отмечены и в ст.-рус., и в ст.-бел. текстах: ст.-рус. *А и даную есми на ту вотчину при своем животе* игумену Гурью и з братьею дал (АФЗХ, II, с. 257); ст.-бел.: *бо маетность его немало по собе зостала при тестю его пани Станислави Трасковскомъ* (ТБ, с. 199); *листъ выслуги моее при пани Яни Воине Ромеику и при пани малжоньце его ...* (ТБ, с. 200); ст.-рус. *А игумену Голахтиону з братьею, или хто по нем иный игумен у Пречистые богородици будет* (АФЗХ, II, с. 279); ст.-бел.: *... по животе моем даю, дарую и сим тестаме[нт]омъ встаточное воли моее втписию тои малжонце моеи Дороте Линчевскои* (ТБ, с. 222). В ст.-бел. текстах сочетание *по животе моем* встречается в одном тексте несколько раз, характеризуется как препозитивным, так и постпозитивным употреблением местоимения *мой*, употреблением вместо него местоимения *свой*, пропуском местоимения.

Для ст.-бел. текстов также характерно сочетание разных временных конструкций: *А ведже если Панъ Богъ Светымъ дастъ дорости летъ зипольныхъ* внику моему Яроши Радими[н]скому Лускиничи, *то втписию навечность два пола ... А если бы до летъ того уника моего Яроша Радиминского мела бы на него приити смерть, то по животе его приити и спасти маеть ...* (ТБ, с. 199).

Анализ употребления отдельных лексем и сочетаний, имеющих временное значение и репрезентирующих категорию точности, в ст.-рус. и ст.-бел. духовных второй половины XVI века позволяет сделать следующие выводы:

1) сходство проявляется в парном употреблении единиц, репрезентирующих время (ст.-рус. *до живота – после живота, вечный и вседневный сенаник*, ст.-бел. *сесь час – тот час, лет дорослых – лет недорослых, до живота – по животе, час и година смерти*), что в работах В. В. Колесова объясняется синкретизмом мышления, когда в основе многих языковых явлений лежит метонимия;

2) в конце XVI в. в завещаниях ярко проявляются различия между ст.-рус. и ст.-бел. текстами, которые заключаются: а) в употреблении в ст.-рус. завещаниях в составе устойчивых единиц содержательной части лексемы *год*, в ст.-бел. лексем *рок, час*; б) в использовании лексемы *лето* при обозначении возраста человека с помощью устойчивых единиц в ст.-бел. текстах; в) в последовательном употреблении в ст.-бел. текстах

наречий времени *напервеи, напрод, тогда;* г) в разном употреблении предлогов при обозначении времени, следующего за каким-либо событием: в ст.-рус. это *после+Р.п., по+М.п.*, в ст.-бел. *по+Д.п. и по+М.п.*; д) для ст.-бел. текстов характерно наличие повторяющихся в текстах временных формул *вечными часы, по моем животе*, в ст.-рус. текстах повторяется формула *после моего / ее / его живота*.

Источники и словари

1. АРГ – Акты российского государства : архивы московских монастырей и соборов XV – нач. XVII вв. / под ред. В. Д. Назарова. Москва : Ладомир, 1998. 733 с.

2. АФЗХ – II Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков / под ред. С. В. Бахрушина. Москва : Изд-во Акад. наук СССР. Ч. 2, 1956. 663 с.

3. АФЗХ – III Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков / под ред. С. В. Бахрушина. Москва : Изд-во Акад. наук СССР. Ч. 3, 1961. 446 с.

4. ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы / пад рэд. А. І. Жураўскага. Мінск : Навука і тэхніка, 1982–2017. Вып. 1–37.

5. ТБ – Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / склад. : А. Ф. Аляксандрава, В. У. Бабкова, І. М. Бобер ; Нац. гіст. архіў Беларусі. Мінск, 2012. 736 с.

6. ФССЯ – Фразеологический словарь старославянского языка (более 4000 единиц). Проспект / под ред. С. Г. Шулежковой. М.; Магнитогорск: ООО «Издательство Элпис»; Магнитогорск. гос. ун-т, 2006. 340 с.

Библиографический список

1. Дойкина К. Ю. Системы местоименных энклитик в языке духовных и договорных грамот князей Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. 2018. №56. С. 48–59.

2. Литвина А. Ф. Се яз раб Божий. Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры / А. Ф. Литвина, Б. А. Успенский. Санкт-Петербург : Евразия, 2020. 128 с.

3. Паляшчук Н. В. Кампазіцыйныя асаблівасці слоніміскіх тэстаментаў // Беларуская мова ў ХХІ стагоддзі: асноўныя тэндэнцыі развіцця: матэрыялы Міжнар. навук. канф. Мінск,

Права і економіка, 2015. URL: <http://elib.bspu.by/handle/doc/15359> (дата обращения: 20.07.2024).

4. Паляшчук Н. В. Кампазіцыйныя асаблівасці старабеларускіх і старарускіх тастаментаў // Славянские языки: системно-описательный и социокультурные аспекты исследования: сб. науч. тр. Брест, БРГУ, 2014. URL: <https://elib.bspu.by/handle/doc/15357> (дата обращения: 20.07.2024).

5. Патюкова Р. В. Религиозная лексика как неотъемлемый компонент существования духовных грамот русских монархов XIV–XVI вв.: диахронический аспект // Теория и практика общественного развития. 2010. №4. С. 298–301.

6. Преображенская А. А. «Прежде смерти наипаче внешние и напрасныя»: духовная грамота Симеона Полоцкого // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. Вып. 2. 2015. С. 115–132.

УДК 811.161.1

Е. А. Красина

Лексичность-грамматичность структуры простого русского предложения

Классификации простого предложения сочетают структурный и семантический принципы. В языках номинативного строя, к которым относится и русский язык, главным образом выявляются двухкомпонентные и однокомпонентные структурные схемы простого предложения, отражающие его предикативную основу, и отчасти их лексическое наполнение и семантические характеристики. В этом смысле принцип лексичности-грамматичности становится одним из ведущих как для описания одного из типов предложения, так и для создания таксономии простых предложений.

Ключевые слова: простое предложение, структурная схема, лексичность-грамматичность, таксономия, русский язык.